

ХРИСТИАНСКОЕ

ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

1866.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета духовной цензуры печатать позволяется. С. Петербургъ, 8 января 1866 года.

Цензоръ, *Архимандритъ Фотій.*

О ПРЕПОДАВАНІИ БОГОСЛОВІЯ

ВЪ НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Въ „Православномъ Обозрѣніи“, въ октябрьской книжкѣ минувшаго 1865 года, напечатана статья *о лучшемъ устройствѣ каведры богословія въ нашихъ университетахъ*. Эта статья — отчетъ профессора московскаго университета протоіерея Сергіевскаго по особому порученію, возложенному на него министерствомъ народнаго просвѣщенія. Именно министерство признало полезнымъ, для лучшаго устройства богословской каведры въ университетахъ, чтобы профессоръ богословія одного изъ университетовъ посѣтилъ всѣ прочіе русскіе университеты и вошелъ въ личныя о томъ совѣщанія съ преподавателями въ нихъ тогоже предмета. Это порученіе было возложено на прот. Сергіевскаго. Результатами совѣщаній его съ преподавателями богословія въ нашихъ университетахъ оказываются слѣдующія мнѣнія: 1) надобно не только сохранить преподаваніе богословія въ университетахъ, но и усилить, расширить и возвысить эту науку такъ, чтобы, по выраженію прот. Сергіевскаго, она въ университетѣ *являлась въ гармоніи съ извѣстною суммою человѣческихъ знаній, съ прочими научными истинами*; для этого 2) нужно на

университетской кафедрѣ, кромѣ догматическаго изложенія вѣры, еще ученіе нравственное, чтеніе о св. Писаніи и христіанская апологетика; далѣе 3) поставивъ особыхъ преподавателей церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія, изъ всѣхъ профессоровъ богословскихъ наукъ образовать особый комитетъ, который бы имѣлъ свой кругъ дѣла и свои собранія, подобно какъ имѣютъ ихъ факультеты; наконецъ 4) установить для преподавателей богословія похвѣдки за границу съ учеными цѣлями, по крайней мѣрѣ на годичный срокъ (1).

Въ развитіи такихъ мыслей прот. Сергіевскій выходитъ по преимуществу съ научной точки зрѣнія; подѣ эту точку онъ подводитъ богословіе на ряду съ другими науками, а цѣлю преподаванія его въ университетахъ полагаетъ — развитіе религіознаго сознанія; соответственно съ современнымъ развитіемъ научнаго сознанія. Онъ говоритъ: „никакая наука, посему и наука богословская, не можетъ быть чуждою университету. Даже болѣе: наука богословская не можетъ быть чуждою ни одному изъ факультетовъ университетскихъ. Въ обширной области человѣческихъ знаній предметъ каждой науки, кромѣ науки богословской, представляетъ собою интересъ болѣе или менѣе для спеціалиста, занимающагося ею, и можетъ не представлять никакого интереса для избравшихъ себѣ другую спеціальность. Предметъ богословія — религіозная истина никогда не можетъ не представлять собою всеобщаго интереса, положительнаго или отрицательнаго, для каждаго ума, какова ни была бы избранная имъ спеціальность. Это потому, что религіозная истина вообще не есть только

(1) Прав. Обзорніе. Окт. 1865. Стр. 189—99.

вышній предметъ для любознательности ума, но составляетъ живую, внутреннюю, неудаимую потребность всей природы человѣка. Оттого-то научное сознание, какъ общее, такъ и личное, никогда не можетъ никакъ не относиться, но непременно становится въ такое или иное отношеніе къ сознанию религіозному. Если такъ, то съ развитіемъ научнаго сознания, изъ какой бы спеціальной области оно ни черпало свое содержаніе, не должно оставлять сознание религіозное безъ соотвѣтственнаго развитія. По этимъ соображеніямъ, заключаетъ прот. Сергіевскій, богословіе требуется въ ряду каждаго спеціального отдѣла наукъ, какъ такая наука, идеальная задача которой — поставить религіозную истину въ такое отношеніе къ сознанию, чтобы она, не теряя своего характера, нимало не поступаясь своимъ предметнымъ (объективнымъ) содержаніемъ, представлялась въ гармоніи съ извѣстною суммою человѣческихъ знаній, съ прочими научными истинами“.

Направленіе мыслей благовидное и конечно благонамѣренное, въ чемъ нѣтъ причины сомнѣваться. Однакожь, по недостатку ясности и опредѣлительности въ этихъ соображеніяхъ, нельзя не остановиться здѣсь и не подвергнуть ихъ анализу: состоятельность ихъ можетъ еще оказаться сомнительною. Что разумѣетъ о. протоіерей, когда говоритъ о развитіи религіознаго сознания, *соотвѣтственнома* развитію научнаго сознания? То ли, что богословіе въ университетѣ должно привести слушателямъ истинны религіи въ столь же ясное и полное сознание, сколь ясно и полно сознаетъ разумъ истины другихъ наукъ? Если такъ, то это слишкомъ не легко, даже невозможно! Ученый богословъ,

если притомъ онъ человѣкъ вѣрующій, можетъ болѣе или менѣе ясно и твердо сознавать истину религіи, смотря по тому, болѣе или менѣе глубоко воспринимаетъ ее въ свой умъ, въ свою душу, и проникается ею въ своихъ убѣжденіяхъ; но требовать, чтобы ясность и полнота религіознаго сознанія соотвѣтствовала бы, т. е. равнялась бы, ясности и полнотѣ сознанія истинъ научныхъ, значить выводить ученіе религіи изъ свойственныхъ ему предѣловъ. Ясность и полнота научнаго сознанія возможна только тогда, когда нашъ умъ или самъ изъ себя воспроизводитъ знаніе, какъ напр. въ чистой математикѣ, или хотя воспринимаетъ предметъ отвлѣч., но въ состояніи подвергнуть его собственному своему анализу, посредствомъ котораго, доходя до основаній предмета, разлагая его на составныя части, проникая въ сущность его, такимъ образомъ доходитъ до яснаго и раздѣльнаго понятія о немъ, и тогда истина, добытая умомъ, со всею ясностію и полнотою отражается въ сознаніи мыслящаго человѣка. Такъ въ наукахъ человѣческихъ, особенно въ наукахъ положительныхъ. Но такъ ли въ ученіи религіи? Мы не изъ своего разума воспроизводимъ его, а заимствуемъ изъ вышняго, сверхъестественнаго откровенія; содержаніе его не подлежитъ нашему анализу, потому, что въ нашемъ разумѣ нѣтъ средствъ, ни силъ для этого; нашъ умъ не только не можетъ приложить къ ученію религіи своего метода — наведеній и аналогіи, но и своихъ отвлеченныхъ началъ философскихъ, своихъ логическихъ критеріумовъ мышленія. Что такое самая наука—богословіе? Это не аналитическое изслѣдованіе религіи, а только систематическое изложеніе ея ученія, только научное воспроизведеніе Божествен-

наго Откровенія, при чемъ и началомъ и концемъ системы остается тоже, что и въ самой религіи служить началомъ и концемъ ученія—вѣра. Можно сказать, что въ наукѣ богословія мы понимаемъ ученіе вѣры правильноѣ, обнимаемъ полнѣе, усвояемъ себѣ тверже: но нельзя сказать, что въ богословіи ученіе это для насъ *постижимѣе*. Какимъ же образомъ ясность сознанія научныхъ истинъ, въ другихъ сферахъ знанія, можетъ служить мѣрою для ясности религіознаго сознанія? Задавать себѣ такую задачу на университетской кафедрѣ, значить или — не ясно и даже не правильно представлять себѣ дѣло, или брать на себя дѣло напрасное, неисполнимое. А что, если въ самомъ дѣлѣ профессоръ университета, задавшій такую задачу, не выполнить ее предъ своими слушателями, если ихъ религіозное сознаніе, не смотря на всѣ его усилія, останется въ своемъ развитіи далеко не соответствующимъ ихъ научному сознанію? Тогда худо будетъ—то, что отъ несостоятельности профессора, или науки богословской по его идеѣ, будутъ заключать о несостоятельности самой истины религіозной. Заключение будетъ не право: но въ отношеніи къ религіозному убѣжденію слушателей худо будетъ уже то, что дано будетъ мѣсто такому заключенію.

Однакожь прот. Сергіевскій не затрудняется, даже не останавливается и на этомъ, а кажется намѣренъ еще далѣе идти. Онъ говоритъ: „всякое, даже единичное важное открытіе въ той или другой области научной, *непремѣнно* отражается на судьбѣ религіознаго сознанія. Если такъ, то изъ какой бы специальной области научное сознаніе ни черпало свое содержаніе, не должно оставлять сознаніе религіозное безъ соот-

вѣтственнаго развитія. И это особенно въ наше время, при чрезвычайно быстромъ развитіи науки, при накопленіи новыхъ открытій, при перестройкѣ почти во всѣхъ отрасляхъ знанія, при возникновеніи даже новыхъ наукъ, невѣдомыхъ прежнему времени“. Здѣсь рѣчь идетъ уже не объ одномъ соотвѣтствіи религіознаго сознанія научному, а кажется даже о томъ, чтобы богословіе поставить въ университетѣ въ *уровень* съ состояніемъ другихъ наукъ. Но во 1-хъ, что всякое, даже *единичное* открытіе въ наукахъ *непремѣнно* отражается на судьбѣ религіознаго сознанія, объ этомъ можно еще спорить. Это слишкомъ много сказано, и можно указать не мало новѣйшихъ, важныхъ открытій, даже не *единичныхъ*, а обнимающихъ цѣлыя области природы или науки, которыя не непремѣнно, не много, даже вовсе не касаются религіознаго сознанія и не отражаются на судьбѣ его. Напр. открытіе силы паровъ, силы электромагнитной, силы тяготѣнія, и мн. др., какія измѣненія произвели доселѣ въ религіозномъ сознаніи людей? Стало ли это сознаніе, вслѣдствіе такихъ открытій, выше или ниже въ людяхъ, яснѣе или темнѣе, тверже или слабѣе? Не видно. Конечно открытія физіологическія, геологическія, астрономическія, и др. могутъ, по своимъ соотношеніямъ съ вопросами о происхожденіи видимаго міра — вообще и его разныхъ частей, коснуться и религіознаго ученія по этимъ вопросамъ, и такимъ образомъ болѣе или менѣе, такъ или иначе отразиться на религіозномъ сознаніи нашемъ: но нельзя придавать слишкомъ много значенія этому соприкосновенію ихъ съ религіознымъ сознаніемъ; по той причинѣ, что эти открытія еще сами не утвердились прочно и неизмѣнно въ своихъ началахъ,

еще не дошли до послѣднихъ своихъ результатовъ, еще сами требуютъ много испытаній, повѣрки, отчетности. Науки, самыя повидимому положительныя, именно физическія, еще не сказали своего послѣдняго слова, да и нельзя думать, что скоро скажутъ, скажутъ такъ, что рано или поздно не возьмутъ его назадъ. Поэтому не слѣдуетъ спѣшить и приложеніемъ ихъ въ религіозному сознанию; и нельзя, безпристрастно судя, не замѣтить, что подобныя приложенія научныхъ открытій къ религіозному сознанию, какія теперь уже дѣлаются, вообще отзываются излишнею поспѣшностію, которая нерѣдко переходитъ въ легкомысліе. Равно и то религіозное сознание, личное ли въ томъ или другомъ изъ насъ, или болѣе или менѣе общее въ кругу людей, которое поспѣшитъ отразить въ себѣ научныя открытія, можетъ скорѣе всего обнаружить только свою собственную нетвердость и несостоятельность, тѣмъ, что парализуетъ ими собственныя убѣжденія и совершенно напрасно затемнить ими свое чистое, религіозное чувство. Въ этомъ отношеніи долгъ и профессора богословія не спѣшить ставить научныя открытія въ соотношеніе съ религіознымъ сознаниемъ, чтобы не увлечь ту и другую сторону или въ напрасную и безплодную борьбу между собою, или въ обманчивый союзъ, могущій имѣть свои неблагоприятныя для вѣры послѣдствія. Союзъ конечно можетъ быть и не обманчивъ, но только тогда, когда науки при своихъ открытіяхъ согласятся съ религіознымъ сознаниемъ въ его основаніяхъ, признаютъ неизмѣнность коренныхъ началъ религіозной истины. Можно ли за это поручиться? Судя по ихъ исходнымъ началамъ, по самымъ ихъ задачамъ, такъ они ставятъ ихъ у себя, ручаться нельзя, по крайней

мѣръ въ настоящее время. А когда такъ, то или борьба научнаго сознанія съ религіознымъ, или обманчивый союзъ ихъ между собою, должны быть неминуемымъ послѣдствіемъ началъ, принимаемыхъ прот. Сергіевскимъ для преподаванія богословія въ университетахъ. О борьбѣ скажемъ еще ниже. Во 2-хъ, сопоставляя развитіе религіознаго сознанія съ чрезвычайно быстрымъ развитіемъ наукъ въ наше время, прот. Сергіевскій вызываетъ новую задачу—поставить преподаваніе богословія въ уровень съ прочими, современными науками; потому, что состояніе ихъ онъ полагаетъ мѣрою для развитія религіознаго сознанія. Какъ же иначе повимать его? Можно бы конечно желать, чтобы прот. Сергіевскій выражалъ свои мнѣнія яснѣе и опредѣлительнѣе; но настоящій образъ изложенія ихъ приводитъ къ мысли, что онъ расширеніе и возвышеніе богословской науки въ университетахъ полагаетъ не ниже и не выше уровня другихъ наукъ. Какимъ образомъ подвести богословіе подъ этотъ уровень, онъ также не объясняетъ. Конечно, однимъ внѣшнимъ расширеніемъ богословской кафедры, т. е. только увеличеніемъ на ней предметовъ преподаванія, этого уровня осуществить нельзя; надобно обратиться къ внутреннему содержанию богословія. Предполагаемый уровень можетъ быть достигнутъ троякимъ способомъ. Или профессоръ будетъ брать изъ другихъ современныхъ наукъ вопросы, имѣющіе особенную важность по отношенію къ религіозному сознанію, и анализуя и рѣшая эти вопросы по источникамъ, идеямъ и всѣмъ даннымъ богословской науки, такимъ образомъ будетъ держать эту науку на одной линіи съ другими науками; первая не будетъ отставать отъ послѣднихъ въ задачахъ человѣ-

ческаго разума, въ современныхъ вопросахъ знанія, въ стремленіяхъ къ всестороннему изученію міра, только идти будетъ не ихъ (т. е. свѣтскихъ наукъ), а своимъ собственнымъ путемъ. Это было бы конечно очень интересно на университетской кафедрѣ и полезно въ видахъ утвержденія религіознаго сознанія. Но—это не во всѣхъ отношеніяхъ исполнимо на дѣлѣ. Науки въ современномъ ихъ развитіи представляютъ такое множество спеціальныхъ, спеціальнѣйшихъ вопросовъ, спеціальность до такой степени характеризуетъ ихъ настоящее направленіе, что въ богословіи, въ его источникахъ, въ его средствахъ, въ цѣлой системѣ его не найдется столько спеціальныхъ данныхъ, чтобы по нимъ изучать и рѣшать научные спеціальные вопросы. Тутъ одно уже, такъ сказать, количественное различіе въ составѣ богословской науки и другихъ наукъ не допускаетъ между ними уровня. А рѣшать въ богословіи спеціальные вопросы наукъ на основаніи и силою однихъ *общихъ* религіозныхъ истинъ, хотя эти истины неоспоримы сами въ себѣ, значило бы оставлять ихъ нерѣшенными въ научномъ смыслѣ. Потомъ, различіе методовъ — синтетическаго въ богословіи и аналитическаго въ другихъ наукахъ, всегда будетъ причиною того, что рѣшеніе данныхъ вопросовъ въ богословіи будетъ отвлеченно, и хотя въ этомъ отношеніи можетъ быть по идеѣ и по духу болѣе возвышенно (какъ напр. въ вопросѣ о происхожденіи міра и человѣка), однакожь не можетъ быть на столько положительно, чтобы могло стать въ уровень съ научнымъ рѣшеніемъ. Спеціальность и анализъ составляютъ преимущественную силу наукъ въ современномъ ихъ развитіи. Другой способъ поставить богословіе въ уровень съ другими нау-

ками можетъ быть тотъ, чтобы, не переводя въ богословіе спеціальныхъ научныхъ вопросовъ, не вдаваясь въ собственныя изслѣдованія ихъ, только критически относиться къ тѣмъ рѣшеніямъ, которыя даютъ имъ самыя науки. Это, разумѣется, можетъ быть только тамъ, гдѣ эти научныя рѣшенія соприкасаются съ религіозными истинами и могутъ вызывать сами собою, такъ или иначе, вмѣшательство богословія. Но это можетъ относиться не къ содержанію наукъ, не къ самымъ изслѣдованіямъ и открытіямъ ихъ, а развѣ только къ результатамъ, какіе будутъ ученые выводить изъ нихъ касательно ученія религіи и такимъ образомъ дѣйствовать на религіозное сознаніе общества. Критически разбирать самое содержаніе наукъ у профессора богословія не достанетъ средствъ въ области его занятій; да признаться надобно, едва ли достанетъ и силъ; критическій разборъ только выводовъ изъ содержанія наукъ будетъ легче и доступнѣе для него и безъ сомнѣнія былъ бы весьма полезенъ для собственно религіозныхъ цѣлей. Такимъ образомъ одни результаты научныя профессоръ можетъ обращать въ пользу ученія самой религіи, къ поддержанію ея истины; къ большому развитію религіознаго сознанія въ слушателяхъ своихъ; другіе — отвергать съ точки зрѣнія религіозной, какъ противорѣчащія кореннымъ началамъ религіи, положительному сверхъестественному откровенію, какъ несостоятельныя съ высшей точки зрѣнія, какъ нелогичныя въ отношеніи къ тѣмъ самымъ основаніямъ, изъ которыхъ они выводятся. Вотъ, по нашему мнѣнію, единственный пунктъ, на которомъ профессоръ богословія въ университетѣ можетъ стоять въ своей наукѣ въ уровень съ другими науками. Здѣсь онъ не

возметъ на себя ничего лишняго по отношенію къ самой наукѣ своей, т. е. ея содержанію и средствамъ, ничего и сверхъ собственныхъ силъ. — Еще иной способъ для богословія стать въ уровень съ современнымъ просвѣщеніемъ можетъ быть указанъ, и это указаніе уже пробивается наружу въ кругу ученыхъ людей, отчасти и общества: способъ тотъ, чтобы связать богословіе съ общимъ направленіемъ наукъ въ наше время, такъ, чтобы оно не только не чуждо было бы современныхъ идей и началъ просвѣщенія научнаго, но и усвоило бы ихъ себѣ, соображалось съ ними въ своемъ характерѣ и по нимъ разработывало содержаніе религіи. Указаніе такого направленія нашему богословію выражается уже довольно ясно въ томъ, довольно распространенномъ теперь и непрерывно повторяющемся при всякомъ случаѣ сужденіи, что наша богословская наука совсѣмъ *отстала* отъ современнаго просвѣщенія, вовсе не удовлетворяетъ его требованіямъ, наполняется вопросами не практическими, понапрасну истощается въ идеализмѣ, которому ничто или весьма мало что соответствуетъ въ дѣйствительности, что самыя начала богословскаго образованія должны быть переработаны и религіозная истина съ ея идеями и требованіями совсѣмъ иначе должна быть поставлена, чѣмъ доселѣ, въ отношеніи къ сознанію человѣческому. Конечно, преподаватель богословія въ университетѣ признанъ былъ бы (отъ кого слѣдуетъ) стоящимъ въ совершенномъ уровнѣ съ современнымъ просвѣщеніемъ, если бы принялъ и осуществилъ въ своемъ преподаваніи такой способъ уровня. Но Богъ да сохранитъ нашу науку отъ такого уровня, если ко всему злу, поражающему ее извнѣ, присоединится еще внутреннее

зло — саморазрушенія. Мы не думаемъ, чтобы и прот. Сергіевскій имѣлъ въ виду что-либо подобное, когда за основаніе богословской кафедрѣ въ университетѣ принимаетъ сопоставленіе религіознаго сознанія и пониманія религіозной истины съ современнымъ развитіемъ научнаго сознанія. Однакожь, что онъ хочетъ сказать, когда говоритъ, что въ университетѣ задача богословія — *поставить религіозную истину въ такое отношеніе къ сознанію, чтобы она, не теряя своего характера, нимало не поступаясь своимъ предметнымъ содержаніемъ, представлялась въ гармоніи съ извѣстною суммою человѣческихъ знаній, съ прочими научными истинами?* Что это за гармонія? Самъ протоіерей не объясняетъ этого; онъ только говоритъ далѣе, что „въ періодъ высшаго образованія, съ расширеніемъ умственнаго горизонта, въ какомъ бы направленіи оно ни было, отношенія сознанія къ религіозной истинѣ усложняются всею суммою новыхъ вопросовъ, новыхъ воззрѣній, измѣнившихся понятій, и безъ научнаго руководства къ пониманію этой истины, почти неизбѣжно запутываются“. Но каково должно быть въ такомъ случаѣ *пониманіе истины?* На какихъ основаніяхъ? Въ какомъ направленіи? Протоіерей опять ничего не объясняетъ; а только выставляетъ на видъ, какъ будто критеріумъ религіознаго сознанія, расширеніе умственнаго горизонта, *въ какомъ бы направленіи оно ни было,* — только указываетъ на сумму новыхъ воззрѣній, измѣнившихся понятій, какъ будто мѣру пониманія религіозной истины. Правда, онъ говоритъ и то, что богословіе въ университетѣ должно поставить религіозную истину такъ, чтобы она не теряла своего характера, нимало не поступалась своимъ предметнымъ (объективнымъ)

содержаніемъ. Это—все еще не ясно. О какомъ *характерѣ* религіозной истины идетъ рѣчь? И что значить для нея не потерять или потерять свой характеръ? Безъ сомнѣнія надо разумѣть здѣсь характеръ истины *Богооткровенный*; какъ такой, онъ требуетъ, чтобы религіозная истина оставалась не только неизмѣнною въ своемъ существѣ, въ своихъ коренныхъ идеяхъ, но и самостоятельною, независимою въ своемъ ученомъ развитіи. Для нея, какъ истины Богооткровенной, не важно соотношеніе съ научными истинами; ея достоинство, ея несомнѣнность, ея сила, догматическая и нравственная, заключаются въ ней самой; долгъ преподавателя развить на кафедрѣ эту силу. Что же значить тутъ предполагаемая *гармонія* съ прочими научными истинами? Гармонія означаетъ согласіе, созвучіе, соразмѣрность, единство духа и направленія. А что, если идеи, духъ, направленіе другихъ наукъ идутъ совсѣмъ въ другую сторону — противъ религіозной истины? Что должно быть мѣриломъ гармоніи, — самая ли религіозная истина, или прочія науки? Если она, то прочія науки должны сообразоваться съ нею, а не она съ ними: слѣдовательно обязанность поддерживать такую гармонію ихъ будетъ принадлежать уже другимъ профессорамъ, а не профессору богословія. Если мѣриломъ гармоніи для богословія должны быть прочія науки, то это значить, что она должна сообразоваться съ ними, и слѣдовательно болѣе или менѣе подчиняться имъ въ своихъ идеяхъ и направленіи. Но это будетъ уже противно свойственной ей самостоятельности и характеру Богооткровенному. Если бы еще протоіерей сказалъ, что *изложеніе* религіозной истины должно быть въ гармоніи съ прочими науками, что напр. прежній схола-

стическій методъ изложенія богословія уже не соответствуетъ научнымъ потребностямъ настоящаго времени, то въ такомъ смыслѣ гармонія богословія съ прочими науками конечно можетъ и должна быть допущена. Если бы дѣло шло даже о нѣкоторыхъ частныхъ предметахъ, входящихъ въ общій составъ богословія, именно такихъ, которые по самому существу своему требуютъ пособія другихъ наукъ, то можно бы сказать, что богословіе по этимъ предметамъ, при неизмѣнности основныхъ началъ Боготкровенной истины, не должно чуждаться гармоніи съ доказанными истинами другихъ наукъ. Такъ напр., при разсужденіи о разныхъ физическихъ и физиологическихъ явленіяхъ, на которыя само слово Божіе указываетъ въ связи съ истинами вышняго Откровенія, не только не излишне, но и полезно для самой истины и достойно богословія, какъ науки, обращаться къ свѣдѣніямъ другихъ наукъ и искать въ нихъ объясненія и подтвержденія богословію, въ его собственныхъ выводахъ. Но протоіерей говоритъ не о частныхъ вопросахъ богословія, такъ или иначе соприкасающихся съ другими науками, не о методѣ его преподаванія; а говоритъ, что въ богословіи самая истина религіозная должна представляться въ гармоніи съ прочими научными истинами. Выражаясь такъ вообще и безотносительно, и оставляя это безъ надлежащаго объясненія, протоіерей не даетъ возможности понять въ точности его мысль; а потому даетъ мѣсто заключеніямъ далеко не въ пользу своихъ соображеній.

Онъ говоритъ также, что религіозная истина, *не поступаая своимъ предметнымъ (объективнымъ) содержаниемъ*, должна быть представлена богословіемъ въ гармоніи съ извѣстною суммою человѣческихъ знаній. Это

вѣроятно значить, что богословіе, ничего не измѣняя въ родѣ предметовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, въ цѣломъ составѣ религіозной истины, въ ея внѣшнемъ объемѣ и пространствѣ, должно представлять этотъ составъ и объемъ ея такъ, чтобы онъ былъ въ соразмѣрности съ суммою человѣческихъ знаній. Признавая, что въ словахъ университетскаго профессора богословія не должно быть однѣхъ фразъ безъ серьезнаго содержанія, особенно при разсужденіи о такомъ важномъ предметѣ, какъ настоящій, нельзя не подивиться легкости, съ какою высказаны означенныя теперь мысли и выраженія. Какимъ образомъ религіозная истина, насколько не измѣняя предметовъ своего содержанія, можетъ быть *въ гармоніи съ извѣстною суммою* человѣческихъ знаній? И какая это—*извѣстная* сумма? Возьмемъ сумму знаній въ настоящее время: въ какой гармоніи должна быть истина религіи съ этою суммою, въ количественной или качественной? Въ количествѣ гармонія не возможна. Самъ же протоіерей замѣчаетъ, что въ настоящее время развитіе наукъ чрезвычайно быстро, что масса новыхъ открытій постоянно накапливается, почти во всѣхъ отрасляхъ знанія идетъ перестройка, возникаютъ даже новыя науки, невѣдомыя прежнему времени. А религіозная истина? Она остается неизмѣнною въ своемъ содержаніи, въ своемъ составѣ и объемѣ. Правда, что главный предметъ ея — Богъ — существо безпредѣльное; правда, что и человѣкъ, съ тѣми задачами, которыхъ, относительно его, эта истина касается, можно сказать, есть предметъ необъятный; можно сказать и то, что имѣя дѣло съ духомъ человѣка, его жизнію внутреннею, его судьбою вѣчною, религіозное ученіе простирается гораздо далѣе другихъ наукъ,

которыя касаются человѣка только со внѣшней стороны его жизни; тоже можно сказать о мірѣ; въ разсужденіяхъ о немъ богословіе идетъ гораздо далѣе, чѣмъ всѣ другія науки, не распространяющія своихъ изслѣдованій далѣе физическаго состава міра и его внѣшнихъ событій и преходящихъ судебъ. Но такая широта, безграничная, принадлежитъ только существу религіозной истины, только основнымъ началамъ ея, только высшимъ идеямъ и задачамъ ея въ Откровеніи, а не положительнымъ свѣдѣніямъ, въ ней сообщаемымъ, не спеціальнымъ сторонамъ ея: эти свѣдѣнія, эти стороны въ ней весьма и весьма не широки и очень строго ограничены. Религіозная истина, или однимъ словомъ Божественное Откровеніе сообщаетъ намъ ровно столько, сколько нужно для нашего спасенія, т. е. нашего духовнаго преспѣянія во Христѣ. Никакой, далеко простирающейся любознательности она не допускаетъ; вопросы, какіе и могъ бы давать разумъ человѣческій самому Откровенію для подробнѣйшаго дознанія разныхъ предметовъ, оно оставляетъ безъ разрѣшенія; оно не всегда объясняетъ даже образъ, какъ тотъ или другой предметъ его существуетъ въ дѣйствительности, какъ та или другая его истина воздѣйствуетъ въ мірѣ или въ жизни человѣка; многое и очень многое оставляетъ Божественное Откровеніе въ тайнѣ и требуетъ отъ насъ на многое совсѣмъ не знанія, а вѣры. Какимъ же образомъ, повторяемъ, при такихъ условіяхъ, профессоръ религіозную истину поставитъ на своей кафедрѣ въ гармонію съ суммою человѣческихъ знаній, которыя потому непрерывно и расширяются въ своемъ объемѣ, что входятъ и могутъ входить въ частнѣйшія подробности своихъ предметовъ, въ тончайшія

относительно ихъ задачи? А предположенія, что въ богословіе могутъ входить, кромѣ главныхъ предметовъ вѣроученія, еще многіе другіе предметы изъ сферы человѣческихъ знаній, не допускаетъ высказанная протоіереемъ Сергіевскимъ оговорка, что религія не должна *поступаться* своимъ предметнымъ содержаніемъ; это безъ сомнѣнія надобно разумѣть такъ, что она въ содержаніи своемъ не должна смѣшиваться съ посторонними предметами, ея прямо не касающимися, что богословіе не должно изъ ея содержанія и состава и исключать чтонибудь, ей принадлежащее, чтобы взамѣчъ того дать мѣсто какому либо человѣческому соображенію.

Наконецъ, если взять во вниманіе тѣ размѣры, какіе вслѣдъ за высказанными теперь принципами, самъ протоіерей Сергіевскій даетъ богословію въ университетѣ; именно, предполагая въ университетскомъ составѣ его, кромѣ догматическаго вѣроученія, еще христіанскую апологетику, изученіе св. Писанія, нравственное богословіе, церковное законовѣдѣніе и церковную исторію: то неужели онъ думаетъ, что собраніемъ этихъ наукъ на университетской кафедрѣ онъ уже поставитъ религіозную истину въ полную гармонію *со всею суммою человеческихъ знаній*, даже хотя съ тѣмъ множествомъ наукъ, которымъ такъ заняты и раздроблены университетскія кафедры, особенно при томъ маломъ пространствѣ времени, которое онъ же назначаетъ тамъ для богословія, т. е. два года, со всеми промежутками не учебнаго времени, котораго такъ много въ университетахъ? А если прот. Сергіевскій имѣетъ въ виду гармонію религіозной истины съ прочими научными истинами не количественную, а *качественную*, т. е. согласіе съ ними въ идеяхъ и стремленіяхъ, въ духѣ и

направленіи, то повторяемъ: серьезно ли обдумано то, что сказано? Не говоря о духѣ и направленіи наукъ, противномъ религіи, допустимъ направленіе и духъ самыя добрыя, самыя достойныя уваженія: тѣмъ не мѣнѣе требовать, чтобы религіозная истина была въ гармоніи съ прочими науками, не значить ли, вопреки ея существу и основному характеру, ставить ее въ рядъ человѣческихъ познаній, въ зависимости отъ ихъ развитія, изъ сферы Божественнаго, сверхъестественнаго Откровенія низводить ее въ кругъ естественной дѣятельности ума человѣческаго, со всеми слабостями и недостатками его, т. е. измѣнчивостію началъ, нетвердостію путей, ограниченностію предметовъ и взглядовъ, погрѣшимостію заключеній, и т. д., словомъ, не значить ли религіозную истину унижать и лишать свойственной ей самостоятельности въ идеяхъ и стремленіяхъ, независимости и дѣйственности въ духовной жизни человѣка?

По нашему мнѣнію религіозная истина, а съ нею и богословіе, не должны подлежать мѣрѣ человѣческихъ знаній; самый вопросъ: стоитъ ли эта истина на учебной кафедрѣ выше или ниже ихъ уровня, есть ли въ ней гармонія съ ними, —этотъ вопросъ самъ по себѣ неумѣстенъ ни въ кругу самихъ богослововъ, ни въ университетѣ. Религіозная истина сама по себѣ такъ высока, что въ мірѣ человѣческихъ знаній нѣтъ для нея мѣры; по своему содержанию и по существу, по своему происхожденію, по своимъ цѣлямъ и значенію въ жизни человѣчества, она въ высшей степени самостоятельна и независима, т. е. не подлежитъ никакимъ соображеніямъ съ другими науками, должна быть развиваема въ нашемъ сознаніи и изъясняема въ наукѣ сама изъ

себя, на собственныхъ основаніяхъ и въ собственныхъ предѣлахъ. Достойный ея профессоръ въ университетѣ былъ бы тотъ, который съумѣлъ бы—и сознать воплѣ въ самомъ себѣ и объяснить другимъ, и поддержать на кафедрѣ эту самостоятельность и независимость религиозной истины. Одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нынѣшняго изученія религиозной истины и есть именно та, что на нее смотрятъ не самостоятельно, а въ отношеніи съ науками человѣческими, въ той мысли, какъ смотрятъ на нее *эти науки*, и какъ она должна приспособляться *къ нимъ*? — Мысль сама по себѣ ошибочная и вредная; таковы и послѣдствія.

II. Теперь обратимся къ составу богословія въ университетѣ. Прот. Сергіевскій, по совѣщаніи съ другими университетскими преподавателями богословія, полагаетъ, кромѣ вѣрученія собственно догматическаго, ввести въ университетъ еще христіанскую апологетику (иначе, по его понятію, основное богословіе) и изученіе св. Писанія; къ этому присоединяется еще, какъ было и доселѣ, нравственное богословіе, церковная исторія и церковное законовѣдѣніе. Все это вмѣстѣ почти соотвѣтствуетъ богословскому классу въ духовныхъ академіяхъ. Конечно, развитіе обстоятельнѣе религиозное сознаніе въ слушателяхъ богословія и самое богословіе обстановить такъ, чтобы оно являлось въ университетѣ не отрывочнымъ, не поверхностнымъ изученіемъ религіи,—можно не иначе, какъ устроить преподаваніе богословія въ достаточной полнотѣ и соразмѣрности въ частяхъ. Но вопросъ: на чемъ все это будетъ держаться въ университетахъ? Есть ли тамъ твердая и уже достаточно засѣянная почва для развитія богословія въ такихъ размѣрахъ? Въ нашихъ духовныхъ академіяхъ

такая почва является уже приготовленною, методически, заблаговременно и задолго. Наше домашнее воспитаніе въ своемъ духовномъ званіи, наше училищное образованіе, продолжающееся въ низшихъ училищахъ и семинаріяхъ десять лѣтъ, наше специальное изученіе богословія въ семинаріяхъ, все это служитъ вполне достаточною подготовкою для высшаго богословскаго образованія въ академіяхъ. Гдѣ эта подготовка для университетовъ? Въ гимназіяхъ изученіе катихизиса, краткой священной исторіи и богослуженія недостаточно для этого; о пансіонномъ или домашнемъ воспитаніи и говорить нечего; въ самомъ университетѣ спеціальныя науки по факультетамъ представляютъ совсѣмъ другую почву, и нельзя сказать, чтобы университетское изученіе этихъ наукъ само по себѣ благопріятствовало хорошему развитію тамъ богословскихъ наукъ. Лучшій и неоспоримый свидѣтель — опытъ... Самъ прот. Сергіевскій замѣчаетъ, что догматическое и нравственное богословіе въ университетахъ доселѣ приносило *очень малые плоды*. Тотъ, кто имѣлъ возможность близко наблюдать изученіе богословія въ университетахъ, особенно на тамошнихъ экзаменахъ по этому предмету, тотъ не могъ не поражаться совершеннымъ недостаткомъ въ студентахъ ясности религіозныхъ понятій, твердости богословскихъ сужденій, способности и даже расположенія къ учено-религіозному мышленію, даже серьезнаго вниманія къ этому дѣлу; легкомысліе, смѣшеніе понятій, неспособность къ самымъ не труднымъ соображеніямъ въ вопросахъ вѣры, безотчетливость въ самыхъ заученныхъ уже отвѣтахъ, — вотъ чѣмъ отличаются университетскія испытанія по богословію (1). А отъ

(1) Исключеніе надобно сдѣлать для тѣхъ воспитанниковъ, которые поступаютъ въ университетъ изъ духовно-учебныхъ заведеній.

чего? Какая причина такой малоуспѣшности? Наблюдателю очень ясно, что тутъ дѣло не въ размѣрахъ преподаванія, какъ представляетъ это прот. Сергіевскій, а въ томъ, что для серьезнаго богословскаго образованія въ университетахъ нѣтъ твердой, соотвѣтственной почвы, ни въ совокупности прочихъ спеціальныхъ наукъ, тамъ преподаваемыхъ, ни въ самихъ студентахъ, по недостатку именно—надлежащей для богословія подготовки. И другія спеціальныя науки требуютъ хорошей подготовки въ элементарномъ образованіи: но такъ какъ задачи ихъ не выходятъ изъ круга предметовъ, подлежащихъ непосредственному изысканію и вѣдѣнію человѣка, естественнымъ законамъ его мышленія, его разсудочному анализу, опыту и т. д., то и общее предварительное образованіе можетъ составлять хорошую для занятія спеціальными науками почву и достаточно развить для нихъ способности воспитанника. Не такъ въ богословіи; эта наука по преимуществу спеціальная, спеціальнѣйшая изъ всѣхъ наукъ, имѣетъ свои особенныя начала, свои вышеопытныя, даже вышеестественныя предметы, свои частнѣйшіе источники: поэтому и требуетъ не обще-элементарнаго (гимназическаго) приготовленія, а спеціальнаго. А если бы возразили, что для университета не требуется такое широкое и углубленное изученіе богословія, какое нужно и свойственно духовнымъ академіямъ, что поэтому и особеннаго приготовленія въ университетскому изученію богословія не нужно, хотя бы и въ томъ объемѣ, какой предполагается у прот. Сергіевскаго, на это мы скажемъ: для чего же и вводить въ университетъ лишнія богословскія науки, какъ скоро не требуется основательное и углубленное ихъ изученіе? Въ такомъ случаѣ выходить

какое-то странное умозаключение: „богословіе, говорить прот. Сергіевскій, изучаемое въ университетахъ по старому уставу (т. е. въ сжатомъ преподаваніи), не принесло хорошихъ плодовъ; поэтому, заключаетъ онъ, нужно расширить составъ его и преподаваніе; но, продолжаетъ возраженіе, слишкомъ углубляться въ него и входить въ такія спеціальныя изслѣдованія, какія свойственны духовнымъ академіямъ, нѣтъ нужды въ университетахъ; слѣдовательно и особенной подготовки для этого не нужно“. Что же это? Такая нить умозаключеній сама себя подрываетъ. Выходитъ, что богословіе въ университетахъ и нужно усилить и не нужно; и надобно серьезно поставить и не надобно. Что же ожидаетъ послѣ этого кафедрѣ богословія въ университетахъ? Какіе должны быть успѣхи въ знаніи его? Опытъ не замедлитъ показать, что богословіе, увеличенное въ объемъ, развитое до нѣкоторой спеціальности въ своемъ составѣ, но въ тоже время не имѣющее подъ собою твердой, хорошо подготовленной почвы, не требующее отъ своихъ учениковъ углубленія въ свое ученіе и расширенія во внутреннемъ содержаніи и въ существѣ дѣла, при одномъ внѣшнемъ его расширеніи, при совмѣстномъ и гораздо болѣе сильномъ вліяніи на умы слушателей со стороны другихъ спеціальныхъ наукъ, идущихъ большею частію, если не прямо въ разрѣзъ противъ богословія, то совсѣмъ въ другомъ отъ него направленіи, богословіе, говоримъ, въ такомъ положеніи на университетской кафедрѣ будетъ только разрушать само себя. Тутъ явится не серьезное богословіе, какъ въ академіяхъ духовныхъ, а какая-то богословская полуученость, въ смѣси самыхъ разнородныхъ съ нимъ ученій. А въ такой наукѣ, какъ бого-

словіе, въ такомъ предметѣ, какъ ученіе вѣры или, выражаясь словами прот. Сергіевскаго, религіозная истина, нѣтъ ничего хуже, какъ полуученость. Тотъ, кто изучаетъ богословіе серьезно, основательно, углубленно, всесторонне, можетъ вынести изъ него непреодолимые убѣжденія въ религіозной истинѣ; тотъ, кто совсѣмъ не изучалъ богословія, можетъ вѣровать въ простотѣ сердца, можетъ и не вѣровать по легкомыслію; но не можетъ посягать на истинность вѣроученія сознательно и не можетъ присвоить себѣ правъ критики и суда въ этомъ дѣлѣ; такой всегда скорѣе покорится доказательствамъ людей, нравственно или догматически проникнутыхъ религіозною истиною; одно неизбѣжное сознаніе въ своемъ незнаніи обезоружитъ его въ столкновеніяхъ съ такими людьми. А тотъ, кто изучалъ вѣру, но не серьезно, пожалуй и широко, но не основательно, разносторонне, но не глубоко, тотъ легко можетъ сдѣлаться и врагомъ религіи, именно потому, что, при недостаткѣ глубины и основательности въ познаніяхъ о ней, дастъ себѣ право быть судьей въ вопросахъ ея; такихъ людей всегда характеризуетъ страсть къ спорамъ, къ превратнымъ умозаключеніямъ, къ обвиненію другихъ въ предразсудкахъ и суевѣріи; доказательства и убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ, потому, что они имѣютъ свои доказательства и убѣжденія, въ которыхъ считаютъ себя выше общей вѣры или церковной догматики, и отъ которыхъ одна полуученая гордость не позволяетъ отказываться. Къ этому обыкновенно присоединяется дерзость и наглость въ сужденіяхъ о предметахъ священныхъ. И во всякой наукѣ полузнаніе нерѣдко бываетъ хуже совершеннаго незнанія: а въ богословіи полузнаніе не только хуже, но

и опасивше незнанія. Такимъ полузнаніемъ всегда и вездѣ отличаются самые отвѣвленные вольнодумцы.

Къ такому полузнанію богословія въ университетахъ должны вести, по нашему мнѣнію, и тѣ самыя условія, какимъ прот. Сергіевскій подчиняетъ преподаваніе разныхъ частей его. Онъ говоритъ, что догматическое богословіе должно тамъ ограничиваться только изъясненіемъ *существенныхъ истинъ вѣроученія*. Какъ понимать это? Строго разсуждая, въ христіанской православной догматикѣ нѣтъ ничего *не существеннаго*: тамъ все существенно, потому, что все относится къ существу вѣры и это существо есть именно предметъ догматическаго богословія. Иначе самому же профессору надобно предоставить рѣшеніе: что въ ученіи вѣры существенно, и что не существенно; а въ этомъ и сами профессора разныхъ университетовъ, пожалуй, еще разойдутся между собою; въ такомъ случаѣ легко уклониться и отъ общей мысли и духа Церкви; очень можетъ быть, что и слушателямъ многое въ ученіи существенно покажется несущественнымъ. Признаетъ же нынѣшнее просвѣщеніе почти все отвлеченное, созерцательное, несущественнымъ! А если стоять на различіи существеннаго отъ несущественнаго, то уже надобно будетъ догматику въ университетахъ сократить, очень сократить противъ общепринятаго ея состава и размѣра. Это уже будетъ или только пространнѣй катихизисъ, или не только не полная догматика, но и просто—извлеченіе изъ догматики. Чего же отсюда ожидать серьезнаго и твердаго для полнаго, какъ задаетъ себѣ задачу прот. Сергіевскій, развитія религіознаго сознанія? Точно также въ правоученіи христіанскомъ онъ предполагаетъ для университета не болѣе, какъ

только изъясненіе *коренныхъ основъ этого ученія*. Но вѣдь коренныя основы нравоученія заключаются въ десятословіи, молитвѣ Господней и еще въ извѣстной нагорной бесѣдѣ Спасителя, а это излагается обыкновенно во второй части катихизиса и преподается въ гимназіяхъ. Если и университетъ долженъ тѣмъ же ограничиться, какое же тутъ будетъ возвышеніе богословской кафедры?

Протоіерей Сергіевскій вноситъ еще въ университетъ *чтеніе о Св. Писаніи*. И это, по заявленію протоіерея, не есть руководство къ разумѣнію Св. Писанія, а только сообщеніе свѣдѣній о самыхъ св. книгахъ, т. е. о ихъ писателяхъ, времени и обстоятельствахъ происхожденія, и т. д. Прот. Сергіевскій называетъ это *Библиологіей*. Если только, то опять вопросъ: какая польза отсюда? Положительно—никакой. Это будетъ только введеніе къ изученію Св. Писанія, а не самое изученіе, и слушатели, ознакомленные со внѣшнею исторіею его, будутъ оставаться въ полномъ невѣдѣніи о его содержаніи. Тутъ скорѣе можетъ быть даже вредъ. Историческія изслѣдованія о Св. Писаніи обыкновенно вызываютъ критическіе вопросы о подлинности его книгъ, о достовѣрности ихъ сказаній, о времени извѣстности ихъ въ Церкви, и т. п.; причемъ профессоръ долженъ заниматься именно разборомъ всевозможныхъ сомнѣній о нихъ; а сомнѣнія эти, или какъ выражаетъ прот. Сергіевскій, *тенденціи антибиблейской критики*, въ настоящее время проводятся очень настойчиво, и, прибавляетъ онъ же, *очень популярно*. Слѣд. не больше ли вреда, чѣмъ пользы, можно ожидать отъ вызова и изложенія на кафедрѣ этихъ сомнѣній, хотя бы онѣ и опровергались, какъ скоро не будетъ основательнаго знакомства

съ самымъ содержаніемъ книгъ, составляющимъ яснѣйшій и неопровержимый признакъ ихъ Боговдохновенности и можно сказать самое сильное оружіе противъ всѣхъ сомнѣній и возраженій? Внимательное изученіе слова Божія въ содержаніи его убѣждало въ его истинности самыхъ невѣрующихъ; а одни библіологическія изслѣдованія вызываютъ на сомнѣнія и вѣрующихъ.

Не говоря о *церковномъ законовѣдѣніи*, которое, какъ наука, имѣющая связь съ юридическимъ факультетомъ, получаетъ чрезъ то свое особенное значеніе въ университетѣ, чего можно ожидать тамъ еще *церковной исторіи*? Если она будетъ излагаема кратко, бѣгло, то принесетъ мало пользы; а чтобы принесла всю ожидаемую отъ нея пользу, съ нею надобно соединить не краткое изложеніе православнаго вѣроученія. Иначе можетъ ли быть вполне понята и вѣрно изложена напр. исторія ересей, занимающая въ цѣлой исторіи Церкви очень широкое и важное мѣсто, если вопросъ о ересьяхъ не будетъ самымъ основательнымъ образомъ изученъ догматически? Можетъ ли также правильно быть понято и раскрыто значеніе монашества въ исторіи Церкви, если не будетъ твердо изучено въ системѣ дѣятельнаго ученія вѣры? Излагать исторію Церкви, хотя бы во всей обширности, но безъ точнаго, глубокаго и обширнаго изученія вѣры въ догматическомъ, нравственномъ и пр. отношеніяхъ, значитъ строить огромное зданіе безъ фундамента: чѣмъ это зданіе будетъ огромнѣе, тѣмъ хуже будутъ послѣдствія такой постройки. А чего еще ожидать и для самаго религіознаго сознанія въ университетахъ, если въ исторію Церкви внесены будутъ новѣйшія историческія идеи и взгляды? Мы не хотимъ преднамѣренно наводить подозрѣніе на наши университеты;

но какъ исторія Церкви отдѣляется (по новому университетскому уставу) отъ богословія и вносится въ рядъ наукъ свѣтскаго факультета, то она уже перестаетъ быть наукою богословскою и волею или не волею подчиняется научнымъ условіямъ факультета, изъ которыхъ конечно главное то, чтобъ ни одна наука въ немъ *не отставала* ни отъ современнаго направленія наукъ вообще, ни отъ другихъ наукъ факультета. И слѣдов. исторія Церкви или должна потерять свой специальный, собственно церковный характеръ и слиться въ развитіи и направленіи съ свѣтскими историческими науками, или, если захочетъ оставаться специальною, независимою въ характерѣ своемъ, должна быть по необходимости одинокою въ ряду другихъ специальныхъ наукъ, безъ научной связи съ ними. Сохранить ли она въ такомъ случаѣ свой авторитетъ и все свое нравственное значеніе въ отношеніи къ религіозному сознанию слушателей? На это самъ прот. Сергіевскій отвѣчаетъ, что „одиночество специальной науки въ ряду другихъ, чуждыхъ ей специальностей, есть одно изъ самыхъ неблагоприятныхъ условій для ея авторитета.“— Повидимому гарантіею для церковной исторіи въ университетахъ можетъ служить то, что профессеры для нея требуются и (прибавляетъ прот. Сергіевскій) могутъ быть взяты *только* изъ духовныхъ академій. Но взять нѣсколько лицъ еще не значитъ взять все направленіе, тѣмъ болѣе, что требуемые профессеры должны, для довершенія своего образованія, отправляться *за границу*.... Не касаемся уже вопроса, которому самъ прот. Сергіевскій пророчитъ или совершенную запутанность, или совершенный произволь въ рѣшеніи: вопросъ о факультетскихъ степеняхъ и правахъ новыхъ преподавателей Церковной исторіи.

Вообще постановку Церк. исторіи въ университетахъ мы находимъ весьма неловкою и не обѣщающею хорошихъ послѣдствій, ни для науки, ни для религіознаго сознанія университетовъ, о которомъ такъ заботится прот. Сергіевскій. —

Наконецъ предполагается въ университетахъ *Богословская апологетика*, или, какъ хочетъ называть ее прот. Сергіевскій, *основное Богословіе*. На это мы согласны, только въ послѣднемъ видѣ принимая указанную науку, т. е. собственно какъ *основное Богословіе*; мы даже исключительно это именно Богословіе считаемъ нужнымъ для университетовъ. Причины на это укажемъ послѣ. Теперь замѣтимъ, что напрасно прот. Сергіевскій смѣшиваетъ апологетику съ основнымъ Богословіемъ. Последнее излагаетъ положительныя основанія религіи; первая, имѣя дѣло преимущественно съ противными ей ученіями, защищаетъ ее отъ ихъ нападеній, и въ этомъ отношеніи имѣетъ характеръ болѣе отрицательный, чѣмъ положительный. Можно конечно соединять вмѣстѣ, въ одномъ изложеніи религіозной истины, и то и другое, и положительныя ея основанія и отрицаніе противныхъ мнѣній: но въ такомъ случаѣ надобно устранить уже разнородныя названія науки, а опредѣлить одно. Потому прот. Сергіевскій неопредѣленно выражаетъ и сущность этой науки и ея приложеніе къ университету. Опъ говоритъ, что апологетика должна *изслѣдовать основанія религіи въ виду вопросовъ или отвѣтовъ (?) сомнѣній или отрицаній современной науки*. Последнее условіе уже не даетъ атой наукѣ положительнаго, основнаго (*обосновывающаго*, по выраженію прот. Сергіевскаго) характера; надобно будетъ религіозную истину изслѣдовать отрицательно. Да и удобно ли и согласно ли

съ сущностію и цѣлію богословскаго ученія ставить указателями изслѣдованій религіозной истины *сомнѣнія* и *отрицанія* современной науки? Сущность и цѣль православнаго богословія должна заключаться въ раскрытіи положительнаго, самостоятельнаго ученія Богооткровенной вѣры, независимо (и слѣд. не въ виду) чело вѣческих сомнѣній и отрицаній; послѣднія должны быть разобраны и опровергнуты, но вслѣдствіе уже положительныхъ доказательствъ истиннаго вѣроученія, и не оно по нимъ, а они по немъ должны быть изслѣдуемы. Прот. Сергіевскій точку зрѣнія и опоры въ богословіи переноситъ на мѣсто не надлежащее. И какую *современную* науку профессоръ долженъ имѣть въ виду? Если разумѣть здѣсь всю совокупность и систему современныхъ познаній, приобрѣтенныхъ собственными силами разума человеческого, если имѣть въ виду всѣ вопросы, сомнѣнія и отрицанія, представляемыя науками въ отношеніи къ религіи вообще, и въ особенности религіи христіанской, то опять скажемъ: не слишкомъ ли громадное дѣло предпринимается на университетской богословской кафедрѣ? Достанетъ ли на все это силъ и средствъ? Не долженъ ли такой планъ вывести науку богословія изъ свойственныхъ ей предѣловъ? А главное: выиграетъ ли отъ этаго сущность дѣла, т. е. раскрытіе въ слушателяхъ религіознаго сознанія до такой степени ясности, полноты и твердости, что оно вполнѣ, во всей глубинѣ усвоитъ себѣ святую истину вѣры? Не останется ли оно при однихъ отрицательныхъ результатахъ? Не будетъ ли оно только колебаться между убѣжденіями религіозными, для ясности и твердости которыхъ не будетъ доставать положительнаго ученія, и между сомнѣвіями и отрицаніями современной науки, поставленной

исходнымъ началомъ его изслѣдованій? Отрицаніе будетъ въ началѣ, отрицаніе будетъ въ продолженіи науки, отрицаніе будетъ въ заключеніи: выйдетъ ли отсюда что-либо положительное? Прот. Сергіевскій въ честь апологетики говоритъ и то, что, изслѣдуя основанія вѣры въ виду сомнѣній и отрицаній современныхъ, апологетика *спокойно* устанавливаетъ для даннаго времени правильныя отношенія научнаго сознанія къ религіозному, человѣческаго разума къ религіознымъ истинамъ. Но какимъ образомъ, имѣя дѣло съ сомнѣніями и отрицаніями, богословіе можетъ *спокойно* устанавливать отношенія разума къ вѣрѣ? Гдѣ борьба, тамъ не можетъ быть спокойствія; богословіе можетъ быть *спокойно* только въ положительномъ изложеніи положительнаго ученія вѣры. Напрасно прот. Сергіевскій утѣшаетъ себя надеждою спокойствія на своей кафедрѣ; чѣмъ болѣе онъ будетъ имѣть дѣла съ сомнѣніями и отрицаніями современной науки, тѣмъ болѣе будетъ терять спокойствіе духа, необходимое для православнаго вѣроучителя, тѣмъ менѣе будетъ спокойствія въ его изложеніи вѣры, тѣмъ менѣе сама религія будетъ спокойна въ университетѣ. Самыя сомнѣнія и отрицанія современной науки отличаются въ высшей степени безпокойнымъ характеромъ. Какой же видъ будетъ имѣть на университетской кафедрѣ истина вѣры, когда вмѣсто свѣтлаго, мирнаго, самостоятельнаго, свободнаго явленія ученому міру, она будетъ представлена учителемъ въ сопровожденіи тьмочисленныхъ злыхъ духовъ всевозможныхъ сомнѣній и отрицаній? По правдѣ это будетъ зрѣлище болѣе жалкое, нежели поучительное, и ученики вѣрно будутъ заняты гораздо болѣе нападеніями этихъ враговъ вѣры, болѣе наблюденіемъ силы и искусства законоучителя въ

борьбѣ съ ними, нежели благоговѣйнымъ изученіемъ самой истины. Не надо забывать, что дѣло будетъ *въ университетѣ*.

Самъ прот. Сергіевскій не ясно и не опредѣлительно обозначаетъ предѣлы апологетики для университетовъ; онъ замѣчаетъ только, что согласно съ его соображеніями составъ университетской апологетики изображенъ въ мнѣніи профессора Харьковскаго, протоіеря Добротворскаго. Обращаясь къ этому послѣднему, мы находимъ, что въ апологетику предполагается и критика общенаучныхъ и философическихъ, враждебныхъ христіанству, возрѣній, и разборъ современныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и изложеніе (хотя краткое) исторіи догматовъ, и обзоръніе богословскихъ иностранныхъ школъ и современныхъ направленій богословской мысли. Слишкомъ много для университета. Къ чему тамъ разборъ христіанскихъ вѣроисповѣданій? Къ чему исторія догматовъ? Къ чему обзоръ современныхъ богословскихъ школъ? Все это нужно для специалистовъ богословія; а въ университетѣ, еще разъ повторимъ, нѣтъ для этого ни почвы, ни подготовки. Да и самое пространство времени, опредѣляемое для богословскихъ наукъ въ университетѣ, не обѣщаетъ имъ надлежащей полноты и твердости. Назначаются для нихъ только два первые года университетскаго курса. Принимая во вниманіе вообще краткость университетскихъ лекцій, нерѣдкіе перерывы на время болѣе или менѣе продолжительное, множество другихъ спеціальныхъ наукъ, требующихъ отъ студентовъ для себя гораздо болѣе времени и привлекающихъ гораздо болѣе вниманія и даже обязательныхъ трудовъ, нежели сколько они могутъ удѣлять богословію, наконецъ сопоставляя съ этими обстоятельства-

ми широкую и высокую цѣль, предполагаемую для богословской кафедры, дать въ университетѣ развитіе религиозному сознанию соотвѣтственное развитію научнаго: можно ли серьезно надѣяться, что при такихъ условіяхъ богословіе въ предложенномъ составѣ прочно утвердится въ университетахъ, возвысится въ силѣ своего духовнаго вліянія на слушателей и вполнѣ удовлетворитъ и ученымъ и нравственнымъ потребностямъ нашихъ университетовъ въ отношеніи къ религіи, словомъ, достигнетъ предполагаемой цѣли? Самъ прот. Добротворскій признаетъ необходимымъ, чтобы профессоръ богословія, какъ въ подробностяхъ программы, такъ и въ самомъ времени ея выполнения, не былъ стѣсненъ формальными требованіями—*въ опредѣленный срокъ* непремѣнно прочесть по ней весь богословскій курсъ. А прот. Сергіевскій съ своей стороны признаетъ неудобнымъ растянуть богословскій курсъ даже на *три* года, потому, что это можетъ стѣснить факультеты въ распредѣленіи ихъ собственныхъ наукъ по курсамъ.

Вопросъ о необходимости богословія въ университетахъ не такъ легко постановить и рѣшить, какъ кажется съ перваго взгляда. Необходимость можетъ быть двухъ родовъ: ученая или теоретическая, и нравственная или практическая. О послѣдней разсуждать нечего: она въ университетахъ, какъ и во всякомъ училищѣ, какъ и вездѣ, имѣетъ все свое неоспоримое значеніе. Но необходимость ученая—другой вопросъ. Сказать, что въ университетахъ необходимо богословіе, какъ научное руководство къ познанію вѣры, или по выраженію прот. Сергіевскаго, какъ средство къ развитію религиознаго сознанія въ соотвѣтствіе научному сознанію, еще не значитъ вѣрно поставить вопросъ и твердо рѣшить его.

Тутъ еще предстоитъ немало вопросовъ: есть ли для богословія въ университетахъ надлежащая подготовка въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ университетъ принимаетъ къ себѣ слушателей? Въ самомъ университетѣ есть ли пригодная и хорошо воздѣлываемая почва для развитія богословскихъ наукъ? Соответствуетъ ли господствующее направленіе нашихъ университетовъ требованіямъ этихъ наукъ, такъ, чтобы среди другихъ наукъ они могли занять достойное себя положеніе и удержать за собою все свое высокое значеніе? Соответствуетъ ли вся обстановка университетовъ тому, чтобы богословіе получило въ нихъ необходимый просторъ для своего развитія и дѣйствованія на религіозное сознаніе юношества? Оттого ли *только и именно* — это сознаніе не соответствуетъ въ немъ научному сознанію, что преподаваніе самаго *богословія* требуетъ тамъ лучшаго устройства, а не другія науки требуютъ также лучшаго устройства въ отношеніи къ богословію? Наконецъ религіозное сознаніе для своего лучшаго развитія — *только* ли развитія богословскихъ наукъ требуетъ, а не еще чего нибудь, и даже, при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, не лучше ли, въ пользахъ этаго самаго сознанія, не обращать религію въ ученую систему? Только тогда, когда эти вопросы, всестороннимъ образомъ обслѣдованные, были бы рѣшены положительно въ пользу богословія, оно могло бы занять принадлежащее ему мѣсто въ университетѣ и благонадежно достигать своихъ цѣлей; въ противномъ случаѣ, при недостаточномъ сознаніи этихъ вопросовъ, при неясности и нетвердости ихъ рѣшеній, скажемъ откровенно, богословію предстоитъ въ нашихъ университетахъ больше опасности, чѣмъ дѣйствительной пользы; даже, не говоря и объ опасностяхъ, можно

ожидать не много пользы. Самъ прот. Сергіевскій, за-
давшись предварительно такою великою задачею, каково
равнѣгіе религіознаго сознанія соотвѣтственно развитію
научнаго сознанія въ университетахъ, представилъ, какъ
мы видимъ, очень не широкое и не глубокое очертаніе
предметамъ богословной въ нихъ кафедры. Что это зна-
чить? Значить, онъ самъ невольно сознаетъ, что въ на-
шихъ университетахъ, при настоящемъ ихъ устройствѣ
и при всѣхъ условіяхъ времени и обстоятельствъ, еще
нѣтъ мѣста широкому и глубокому развитію богословія.
А если такъ, то не напрасно ли и задаваться такою за-
дачею? А если это напрасно, то не напрасно ли и при-
давать въ теоріи такое значеніе предмету, котораго на
практикѣ онъ не можетъ имѣть? И выходитъ, что въ
проектѣ прот. Сергіевскаго есть внутреннее несогласіе,
отъ котораго онъ самъ собою разрушается. А все отъ
того, что самый вопросъ о богословіи въ университе-
тахъ не вѣрно и не твердо поставленъ.

Если бы при университетахъ могъ быть открытъ осо-
бый богословскій факультетъ, къ чему кажется и на-
правляются мысли прот. Сергіевскаго, въ такомъ слу-
чаѣ богословскія науки приобрѣли бы тамъ все свое
значеніе и силу; ихъ значеніе было бы самостоятельно,
сила свободна и дѣйствена. Но вопросъ: можетъ ли въ
настоящее время быть основанъ богословскій факуль-
тетъ? вопросъ очень важенъ, однако по нашему мнѣнію
не слишкомъ труденъ для рѣшенія. Во 1-хъ, при суще-
ствованіи духовныхъ академій такой факультетъ въ уни-
верситетахъ будетъ излишенъ; во 2-хъ, каждый факуль-
тетъ самъ по себѣ имѣетъ назначеніе—образовать спе-
циалистовъ по извѣстнымъ отдѣламъ наукъ; слѣд. и бо-
гословскій факультетъ долженъ получить такое же зна-

ченіе и цѣль: но къ чему? Для прочихъ спеціальныхъ (факультетскихъ) наукъ такая новая спеціальность не нужна, не исключая и философіи; для званій свѣтскихъ и службы гражданской спеціалисты по богословію не нужны. Для духовнаго званія? Но вопросъ о принятіи въ это званіе всѣхъ, желающихъ поступить въ него изъ свѣтскихъ званій путемъ богословскаго образованія въ университетъ, есть вопросъ очень многосложный, который потребуеъ вѣреннхъ реформъ въ самомъ духовномъ званіи, воспитаніи и управленіи. Это вопросъ не отдѣльно - университетскій, а церковно - государственнй. Въ 3-хъ, да будетъ позволено поставить, а нельзя не поставить вопроса: досрли ли еще наши университеты до безотлагательнаго открытія въ нихъ богословскаго факультета? На столько ли они окрѣпи въ своихъ и научныхъ и нравственныхъ началахъ, въ своей внутренней жизни, въ своихъ образовательныхъ по отношенію къ обществу и народу стремленіяхъ, чтобы могли и по праву и по достоинству, съ непоколебимою твердостью въ духѣ и съ полною ясностію учено-религіознаго сознанія, — образовать въ своихъ стѣнахъ учениковъ и служителей Вѣры? На столько ли самое административное устройство, дисциплинарный порядокъ въ нихъ, наконецъ и высшее управленіе ихъ соотвѣтствуетъ идеямъ и потребностямъ духовнаго просвѣщенія и нашей Церкви? А если все это надобно еще преобразовать, переустроить на новыхъ основаніяхъ, въ новомъ духѣ, въ новыхъ формахъ, чтобы перенести туда спеціальное богословское образованіе изъ нашихъ духовныхъ академій: то какая въ этомъ случаѣ предстоитъ ломка! Достанетъ ли еще на столько силъ и средствъ, чтобы справиться съ такимъ громаднымъ дѣломъ? Наконецъ созрѣло

ли еще и общество наше, чтобы изъ среды себя выдѣ-
 лять свѣжія и крѣпкія силы для духовнаго образованія
 въ университетахъ и столько же качествомъ своихъ пи-
 томцевъ, сколько и количествомъ ихъ поддерживать бо-
 гословскій факультетъ на степени силы и дѣйствія, со-
 отвѣтственной нуждамъ Церкви? Созрѣлъ ли наконецъ
 этотъ вопросъ въ высшихъ сферахъ самой администра-
 ціи, гражданской и духовной, отношенія которой къ
 университету и въ частности къ духовному просвѣще-
 нію должны значительно измѣниться съ открытіемъ бо-
 гословскаго факультета въ университетахъ? Еще одно
 слово: на столько ли и наши академіи уже отжили свой
 вѣкъ, что дальнѣйшее существованіе ихъ можно уже
 признать не нужнымъ? Журнальные возгласы противъ
 нашего духовнаго образованія конечно не могутъ еще
 служить достаточными основаніями для рѣшенія этого
 вопроса.

Сображая все, сказанное доселѣ, мы приходимъ къ
 заключенію, что въ университетахъ нужно не *богословіе*
 въ собственномъ смыслѣ, какъ спеціальная наука, для
 которой тамъ и соотвѣтственной почвы и обстановки
 нѣтъ, а только *религіозное образованіе* вообще. Необходи-
 мость тамъ изученія религіи должна вытекать изъ
 того общаго и непреложнаго убѣжденія, что въ осно-
 ваніи всего общечеловѣческаго образованія должна ле-
 жать Богооткровенная истина, имѣющая свое неоспо-
 римое мѣсто столько же и въ высшихъ степеняхъ этаго
 образованія, въ средѣ положительныхъ знаній, приоб-
 рѣтаемыхъ разумомъ человѣческимъ, сколько необхо-
 дима она при первоначальномъ воспитаніи человѣка.
 Тамъ, въ сферѣ высшихъ и спеціальныхъ знаній, исти-
 на религіозная, вѣрно и твердо сознанная, нисколько

не стѣсня научныхъ успѣховъ разума, должна свѣ-
титъ въ глубинѣ его, соприсутствовать его ученымъ
познаціямъ, входить своею духовною силою въ самое
направленіе его просвѣщенія, какъ истина дѣятель-
ная, нравственная, которой никакія человѣческія позна-
нія ни сдѣлать не нужною, ни опровергнуть въ ея ос-
новахъ, ни обезсилить въ духовной жизни человѣчества —
не могутъ. Этого убѣжденія не долженъ и не можетъ
отвергать никакой русскій университетъ, если онъ не
хочетъ обратиться въ пропаганду знаній безъ духа,
просвѣщенія безъ нравственности, на зло русскому об-
ществу и народу. Но этотъ взглядъ указываетъ и то,
какое мѣсто и въ какихъ предѣлахъ должно занимать
въ университетахъ изученіе религіи. Какъ основаніе
общечеловѣческаго просвѣщенія, какъ нравственная си-
ла, присущая разуму и всему духу просвѣщеннаго че-
ловѣка, независимо ни отъ какого специально-научнаго
развитія его, религіозное образованіе въ университетѣ
должно ограничиться познаніемъ только основъ, суще-
ства и духа Божественной религіи, *не переходя въ спе-
ціальность*, не расширяясь бесплодно во внѣшнемъ объ-
емѣ, *не усильваясь стать въ уровень съ специальными уни-
верситетскими науками*, или не задаваясь стремленіемъ,
по мысли прот. Сергіевскаго, *ка гармоніи съ прочими
научными истинами*. Тогда, сохраняя свою внутреннюю
чистоту и твердость, хотя и не въ большихъ размѣ-
рахъ по объему изученія, религіозная истина удержитъ
за собою и свою духовную самостоятельность и *нрав-
ственную силу*, что важнѣе всего; выдержитъ свой са-
мобытнѣй, возвышеннѣй надъ всякою человѣческою
мудростію характеръ именно тѣмъ, что будетъ ограни-
чиваться значеніемъ и дѣйствіемъ на молодые умы —

свойственнымъ себѣ нравственнымъ, духовнымъ, чисто-религіознымъ, а не спеціально-научнымъ, ничѣмъ въ университетахъ не поддерживаемымъ, а оттого и теряющимъ нравственную силу, и вслѣдствіе того тамъ бесплоднымъ. Тогда только духовная кафедра въ университетѣ и можетъ дѣйствовать вѣрно на развитіе религіознаго въ немъ сознанія, и конечно успѣшнѣе, нежели какъ предполагаетъ прот. Сергіевскій. Что же касается научнаго, собственно богословскаго изложенія религіозной истины, то не только оно не нужно въ университетахъ потому, что тамъ нѣтъ мѣста подробностямъ богословскаго ученія, составляющимъ спеціальное содержаніе науки духовной, не только не можетъ быть дѣйствительнаго приложенія богословскихъ изслѣдованій, не только не достанетъ тамъ ни силъ, ни средствъ, ни времени, ни—прибавимъ — охоты для изученія богословія въ частныхъ его вопросахъ, но въ формѣ спеціальной науки религіозная истина не сохранить вполне своей духовной самостоятельности, не выдержать вполне своего нравственнаго характера, по той причинѣ, что ея спеціальность всегда будетъ подавлена другими преобладающими спеціальностями, общій характеръ и духъ всего университетскаго ученія, какой бы онъ самъ въ себѣ ни былъ, будетъ проникать и въ богословіе, парализовать его нравственную силу и давать въ немъ мірскому направленію перевѣсъ надъ духовнымъ. Что сдѣлали германскіе университеты съ христіанскимъ вѣроученіемъ? Того же можно ожидать и отъ нашихъ, а при нашей ученой несостоятельности — и еще хуже, если духовная кафедра будетъ усиливаться въ университетѣ стать спеціальною и идти *въ гармонію* съ прочими спеціальностями: ставши въ

рядъ ихъ, она должна будетъ волею или неволею подчиняться ихъ условіямъ, т. е. измѣняемости идей и направлений. Для другихъ наукъ эта измѣняемость естественна и неизбежна, и оттого не опасна; для богословія она — убійственна.

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что для университетовъ нужно и достаточно, вмѣсто собственно — такъ называемаго богословія, общее изложеніе только основныхъ истинъ христіанскаго ученія, относительно Бога, Существа личнаго, всеуправляющаго, личности Христа — Спасителя, благодатнаго искупленія человѣчества, христіанскаго достоинства и назначенія человѣка и нравственныхъ судебъ міра, съ предварительными свѣдѣніями о источникахъ самой религіи христіанской. Поэтому мы признаемъ для университетовъ нужнымъ преподаваніе богословія общаго или основнаго, съ характеромъ историческимъ, апологетическимъ и нравственнымъ, такъ чтобы въ составъ и въ изложеніе этаго одного богословія входили и историческія черты религіозной истины, и защищеніе ея отъ противныхъ мнѣній и приложеніе ея къ человѣку нравственное, — но во всякомъ случаѣ не выходя изъ предѣловъ общаго, основнаго богословія. Только имъ и слѣдуетъ ограничиться на университетской кафедрѣ. Самое изложеніе этой науки въ университетѣ должно быть вовсе не училищное, даже не строго-ученое, свойственное духовнымъ академіямъ, неумѣстное и потому напрасное въ университетахъ, а болѣе живое и свободное, болѣе, такъ сказать, собесѣдовательное; оно должно болѣе выражать идею, характеръ христіанской вѣры, нежели научное изслѣдованіе ея, должно быть болѣе синтетическое, нежели аналитическое, болѣе цѣлостное, нежели

дробное и діалектическое, болѣе размышляющее и убѣждающее нравственно, нежели систематизирующее и внѣшне-доказательное. Преподаватель богословія въ университетѣ долженъ помнить, что здѣсь онъ не просто профессоръ, а профессоръ-проповѣдникъ, не только ученый преподаватель, но и учитель Церкви христіанской: потому именно, что кафедре его окружаютъ не специалисты богословія, не избранные слушатели, а воспитанники *мира* и *мірской* науки; онъ долженъ имѣть въ виду—не богослововъ приготовить изъ учениковъ богословія, какъ въ духовныхъ академіяхъ, а убѣжденныхъ вѣрующихъ христіанъ изъ свѣтски-образованныхъ людей (1).

III. Что касается предположеній прот. Сергіевскаго о назначеніи въ университеты особыхъ преподавателей церковнаго законовѣдѣнія и церковной исторіи, съ отдѣленіемъ этихъ предметовъ отъ кафедры собственно богословской, то о законовѣдѣніи это само собою разумѣется, какъ наукѣ факультетской. Но послѣ всего вышесказаннаго мы не видимъ уже причины, почему бы въ университетахъ требовалась особая кафедра церковной исторіи. Считать ее факультетскимъ предметомъ, т. е. вводить въ составъ обще-историческаго факультета, нельзя, потому, что эта наука самостоятельная, не подходящая подъ систему обще-историческихъ изслѣдованій. А для богословія основнаго она, въ полномъ

---

(1) „Нѣкоторымъ, замѣчаетъ прот. Сергіевскій, нагляднымъ указаніемъ, каково должно быть изложеніе вѣроученія и правоученія въ университетѣ, можетъ служить книга Гизо о сущности вѣры“. Хотя у прот. Сергіевскаго это замѣчаніе сдѣлано не совсѣмъ къ мѣсту: но какъ нѣкоторое *наглядное* указаніе мы согласны принять книгу Гизо; только пустота содержанія и французское многословіе, хотя бы съ именемъ Гизо, ужъ, конечно, не будетъ служить образцомъ для нашего богослова.

составъ, не нужна и уже не соответствовала бы своимъ пространствомъ его границамъ: она превышала бы ихъ; въ маломъ же составъ она была бы бесполезна. Вообще мы находимъ, что въ университетахъ церковной исторіи нѣтъ мѣста, да и нѣтъ особенной надобности въ ней. Затѣмъ мысль прот. Сергіевскаго объ учрежденіи особаго ученаго комитета изъ всѣхъ преподавателей богословскихъ наукъ, который имѣлъ бы свои собранія; свой кругъ дѣлъ и т. д., *подобно факультетамъ*; эта мысль ведетъ къ основанію въ университетахъ особаго факультета богословскаго. На этотъ предметъ мы уже высказали наши сомнѣнія; здѣсь скажемъ прямо и ясно: не спѣшите! Это вопросъ не университетской только, какъ представляетъ его прот. Сергіевскій, а вопросъ нашей общественной и даже церковной жизни. Этотъ вопросъ надо обратить къ той и другой жизни и у нихъ спросить отвѣта.

IV. Наконецъ выраженное прот. Сергіевскимъ желаніе, чтобы профессорамъ богословія въ видахъ *самообразованія* назначены были, наравнѣ съ прочими профессорами, *командировки и поѣздки за границу съ ученою цѣлю*, — какъ назвать это желаніе? Неужели оно серьезно? Неужели въ самомъ дѣлѣ прот. Сергіевскій признаетъ эти поѣздки средствомъ для профессора богословія къ *самообразованію*? Неужели такія поѣздки дѣйствительно могутъ имѣть для него *ученую, т. е. богословскую цѣль*? Мы не говоримъ о другихъ университетскихъ профессорахъ, хотя и въ отношеніи къ нимъ вопросъ о пользѣ и нуждѣ отпращиванія за границу очень можетъ быть поднятъ и долженъ бы быть рѣшенъ не по общимъ понятіямъ о высотѣ заграничнаго образованія, а по дѣйствительнымъ опытамъ нашихъ путеше-

ствій за границу: но мы имѣемъ теперь въ виду профессора *богословія*. Итакъ преподавателю *православнаго богословія*; получившему свое богословское образованіе въ духовной отечественной академіи, наконецъ лицу духовному—священнику непрѣнно нужно ѣхать за границу: для чего? *Для самообразованія!* Слѣдовательно мѣстное, духовно-академическое образованіе и недостаточно и не имѣетъ значенія самообразованія и не даетъ способовъ къ нему; слѣдовательно *православный* богословъ долженъ еще доучиваться у *не православныхъ*; слѣдовательно за разрѣшеніемъ вопросовъ вѣроученія и высшимъ развитіемъ религіознаго сознанія надо еще обращаться—именно туда, гдѣ вѣроученіе не наше и гдѣ религіозное сознаніе развивается на совершенно другихъ, чѣмъ у насъ, началахъ? Отъ этихъ вопросовъ никакой профессоръ не отдѣляется, если поѣздку за границу считаетъ онъ дѣломъ серьезнымъ и именно *средствомъ* самосообразованія. Если же это не серьезно и слово: *самообразованіе* употреблено здѣсь не глубоко, а слегка, только для того, чтобы можно было подъ этимъ видомъ съѣздить за границу, то мы скажемъ: почему же и не съѣздить? Можетъ быть самообразованіе разумѣется внѣшнее, въ родѣ саморазвитія общественнаго; можетъ быть и ученія цѣли предполагаются отрицательныя, а не положительныя, не такія, чтобы заимствовать у иновѣрныхъ ученыхъ богослововъ взгляды; начала, идеи по вопросамъ религіознымъ, а такія, чтобы наглядно изучить идеи и взгляды иностранцевъ въ нихъ самихъ, въ лицахъ, въ ихъ мѣстной жизни: то, пожалуй, это допустить можно. Но къ чему? Прот. Сергіевскій говоритъ, что мертваго, книжнаго знакомства съ иностранною богословскою литературою

недостаточно для университетскаго профессора богословія: любопытно бы знать — почему? Прот. Сергіевскій этого не объясняетъ. А мы думаемъ, что очень и очень достаточно, и именно для *университетскаго* преподавателя, какъ имѣющаго дѣло на своей кафедрѣ не съ специалистами и не съ специальною постановкою науки.

„*Необходимо*“, продолжаетъ прот. Сергіевскій, живое знакомство съ иностранными учеными богословами: „*интересно*“, можетъ быть; даже можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и не бесполезно; но чтобы было необходимо, согласиться нельзя. Иначе необходимо будетъ, и еще болѣе, чѣмъ духовному преподавателю, всякому преподавателю всякаго предмета войти въ живое знакомство съ иностранными его профессорами. Что за мысль? Что за принципъ? Другое дѣло — вошедшіе въ послѣднее время въ практику сѣзды ученыхъ людей разныхъ странъ для совокупнаго обсужденія общихъ ученыхъ вопросовъ: это дѣло весьма полезное и нужное и для развитія наукъ и для ученыхъ связей между преподавателями ихъ. Но какой смыслъ — профессору нашего богословія объѣзжать иновѣрныхъ богослововъ? Нужно, продолжаетъ прот. Сергіевскій, знакомство *съ ихъ методами и пріемами преподаванія*. Вотъ доказательство, что мысль ваята изъ воображенія, а не изъ дѣйствительности. Тотъ, кто бывалъ за границею, знаетъ, какіе тамъ методы преподаванія. Тамъ на кафедрахъ (и именно самыхъ пресловутыхъ — германскихъ) господствуетъ диктованіе уроковъ; слушатели записываютъ слово за слово профессора. Неужели это и намъ нужно? Развѣ, въ этомъ отношеніи, только для того нужно сѣздить за границу, чтобы видѣть всю негодность такого метода преподаванія.

Даже нашъ духовно-училищный уставъ, признаваемый теперь уже совершенно отсталымъ, предупредилъ въ этомъ пунктѣ всѣ германскіе университеты, запретивъ положительно диктованіе уроковъ въ классахъ. Но сила въ томъ, что за границею есть нѣчто такое, чему и такой методъ не мѣшаетъ и при чемъ онъ безъ особеннаго труда можетъ тамъ держаться и нисколько не вредить дѣлу науки; это именно то, чего у насъ нѣтъ: серьезное отношеніе людей къ наукѣ, въ училищахъ, въ обществѣ, въ жизни; тамъ наука—дѣло общественнаго сознанія, общаго разума, дѣйствительной жизни, а не одной школы, какъ у насъ; и школа тамъ — дѣятель и органъ всего общества, а не заброшенный уголъ его, какъ у насъ. Вотъ если бы поѣздки за границу могли перенести къ намъ это серьезное значеніе науки, и богословской, какъ и всякой другой, и серьезныхъ отношеній къ ней общества: тогда дѣйствительно и профессору богословія надобно бы ѣздить за границу. Но—эта серьезность не такая вещь, за которою стоило бы только съѣздить за границу по желѣзнымъ дорогамъ и привезти съ собою въ чемоданахъ, (будь они хотъ книгами переполнены), какъ перевозятся другія заграничныя вещи. Ужь если что должно и непременно нужно и можетъ выродиться и выработаться у насъ *свое*, независимо—и именно независимо ни отъ какой учености за границей, — такъ именно наше православное богословіе. Надо будетъ пожалѣть о немъ въ тотъ часъ, когда рѣшено будетъ отправлять нашихъ богослововъ за границу *для самообразованія!* Прот. Сергіевскій замѣчаетъ, что въ прежнее время лучшіе профессора богословія въ самыхъ духовныхъ училищахъ не были лишаемы и не чужда-

лись живаго знакомства съ иностранными учеными; но онъ забываетъ, что въ прежнее время духовныя училища и не давали такого образованія, какое развивается въ наше время въ нашихъ академіяхъ; академій духовныхъ тогда и не было въ настоящихъ размѣрахъ; что и книжнаго знакомства съ иностранною литературою въ такой обширности, какъ нынѣ, тогда въ духовенствѣ нашемъ также не было. А не лишне припомнить и то, одно ли хорошее выносили, всегда ли чистый духъ православнаго вѣроученія сохраняли наши за границею въ прежнее время? Даже лучшіе изъ нашихъ богослововъ, образовавшихся за границею, не свободны были отъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ *чуждаго* образованія. Извѣстны и грустныя отъ этого послѣдствія въ исторіи нашей Церкви. Слѣдуетъ ли открывать новые пути къ возобновенію такихъ послѣдствій и въ настоящее и въ будущее время? Мы не намѣрены въ этомъ дѣлѣ высказывать недовѣрія къ законоучителямъ университетовъ: но почему же они сами не хотятъ имѣть довѣрія ни къ себѣ самимъ, ни къ своему православно-духовному образованію, когда думаютъ искать *самообразованія* въ иновѣрныхъ странахъ? Главное: мы имѣемъ въ виду шаткость началъ, полагаемыхъ прот. Сергіевскимъ для университетскаго преподаванія богословія. Задавшись мыслию — поставить въ университетѣ религіозную истину въ гармонію съ извѣстною суммою человѣческихъ знаній, съ прочими научными истинами, онъ послѣдовательно пришелъ къ мысли о заграничныхъ путешествіяхъ профессоровъ богословія наравнѣ съ прочими профессорами университетовъ: но мы противъ послѣдней; потому, что мы — противъ первой. Поставимъ вопросъ: должна ли право-

славная религиозная истина, а съ нею и православная богословская наука въ университетахъ быть самостоятельною; независимою ни въ содержаніи, ни въ направленіи, ни въ своемъ научномъ значеніи, или нѣтъ? Если должна, то не за чѣмъ ѣхать съ нею за границу; если нѣтъ, то не за чѣмъ быть ей въ университетахъ. Другой вопросъ: достаточно ли православно-духовное образованіе для профессора православнаго богословія въ университетѣ, или нѣтъ? Если достаточно, то не для чего ѣхать за границу; если нѣтъ, то не заграничнымъ, иновѣрнымъ образованіемъ дополнять его. Прот. Сергіевскій полагаетъ, что не одно знакомство съ иностранными богословами пужно профессору богословія въ нашихъ университетахъ, но и *живое изученіе состоянія самыхъ обществъ иновѣрныхъ*. Опять спрашиваемъ: къ чему? и какая связь между этимъ изученіемъ и преподаваніемъ православнаго богословія? Если бы въ университетѣ введено было обширное и подробное изученіе разныхъ иноземныхъ вѣроисповѣданій, тогда конечно полезно было бы и изученіе жизни самыхъ обществъ иновѣрныхъ. Но изложенія вѣроисповѣданій въ университетахъ не полагается; апологетическое направленіе, которое предполагается дать богословію въ университетахъ и противъ котораго мы не споримъ, вовсе не требуетъ личнаго знакомства профессора съ иновѣрными обществами, потому что и за границею мнѣнія, съ какими ему надобно будетъ имѣть дѣло въ своемъ богословіи, какъ-то: мнѣнія матеріалистовъ, рационалистовъ и пр., далеко не всѣ и не вполне имѣютъ силу мнѣній общественныхъ, оставаясь большею частію на ученыхъ кафедрахъ и въ внигахъ. Или профессоръ богословія въ университетѣ ужь

не можетъ ли и не обязанъ ли почитать долгомъ для себя личное знакомство съ самими иностранными материалистами, рационалистами и пр. и пр.? До какихъ странностей не доведетъ ложное начало и необдуманно брошенная мысль! А не лучше ли, не полезнѣе ли, даже не логичнѣе ли—улучшить преподаваніе православнаго богословія въ нашихъ университетахъ живымъ изученіемъ *православнаго* общества? Такъ дѣйствительно должно быть; внимательное изученіе нашего общества укажетъ богослову тѣ стороны въ религіозномъ сознаніи общества, которыя преимущественно онъ долженъ имѣть въ виду на ученой своей кафедрѣ, чтобы своему преподаванію придать не одно ученое достоинство, но и дѣйственную силу, долженствующую чрезъ его слушателей воздѣйствовать и въ обществѣ. Если преподаваніе богословія у насъ мало имѣетъ жизненности, нравственной силы и практическаго вліянія на общество съ его религіозныхъ сторонъ, то именно вслѣдствіе разобщенія науки съ жизнью, преподавателей — съ обществомъ.

Примѣчаніе. Мнѣнія другихъ университетскихъ профессоровъ богословія, приложенныя къ отчету прот. Сергіевскаго, мы особо не разбираемъ, потому, что отзывъ самаго прот. Сергіевскаго представляетъ сводъ ихъ главныхъ мнѣній и выражаетъ сущность началъ, полагаемыхъ для преобразованія университетскихъ кафедръ богословія. Но не оставимъ безъ вниманія мыслей, выраженныхъ по этому предмету самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. При возложеніи на прот. Сергіевскаго вышеозначеннаго порученія, мини-

стерство официально высказалось такимъ образомъ: „преподаваніе богословія въ нашихъ университетахъ получаетъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе важности, вслѣдствіе распространяющагося въ обществѣ и литературѣ духа отрицанія и безвѣрія, противъ коего необходимо доставлять молодымъ людямъ, оканчивающимъ образованіе въ университетахъ, умственное оружіе, дабы, вступая въ общество, слыша дерзкія нападенія на истины христіанства, и читая нападки на нихъ въ разныхъ современныхъ сочиненіяхъ, они не оставались безсильными въ борьбѣ, по незнанію тѣхъ аргументовъ, которые слѣдуетъ употреблять противъ ученія лжи въ пользу истины“ (1). Читая эти министерскія строки, можно подумать, 1) что духъ отрицанія и безвѣрія распространяется въ обществѣ и литературѣ совершенно помимо университетовъ (и другихъ учебныхъ заведеній), въ которыхъ совсѣмъ и нѣтъ этого злаго духа; 2) что молодые люди, оканчивающіе курсъ въ университетахъ, вполне расположены и готовы со всѣмъ усердіемъ ратовать противъ лжи въ пользу истины христіанской; 3) что эти молодые люди только не знаютъ тѣхъ аргументовъ, какіе слѣдуетъ въ этомъ дѣлѣ употреблять; 4) что стоитъ только дать имъ понятіе объ этихъ аргументахъ, и тогда они будутъ уже не только готовы, но и сильны для такой борьбы, и затѣмъ, въ нашемъ обществѣ и литературѣ, конечно, уже не будетъ дерзкихъ нападеній на истины христіанства. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ перспективѣ весьма утѣшительное явленіе, явленіе въ мірѣ изъ нашихъ университетовъ

---

(1) Предписаніе министра попечителю московскаго учебнаго округа. См. въ той же книгѣ Православнаго Обозрѣнія. Стр. 186.

проповѣдниковъ и защитниковъ религіи во всеоружіи аргументовъ ея истины: явленіе поучительное, высокое, даже необыкновенное... Конечно, чтобы въ этой перспективѣ не принять миража за что нибудь дѣйствительное и существенное, можетъ быть не лишне было бы предварительно поставить нѣсколько простыхъ вопросовъ, которые и сами собой представляются вниманію; напр. откуда же въ нашемъ обществѣ и литературѣ духъ отрицанія и безвѣрія? Гдѣ онъ зарождается? Кто его проводитъ въ общество и литературу? Гдѣ образовались его проводники? Нѣтъ ли его около насъ, между нами, въ насъ, т. е., именно въ тѣхъ средахъ, откуда общество и литература получаютъ свое мыслительное направленіе и гдѣ, *какъ намъ кажется*, за усердіемъ къ религіи дѣло бы не стало, а видится только, именно *только* невинное незнаніе аргументовъ истины? Можетъ быть не лишне было бы сообразить и ту простую истину, что духъ сомнѣнія и отрицанія не стѣсняется *аргументами*, легко развиваясь и тамъ, гдѣ есть аргументы, и тамъ, гдѣ нѣтъ ихъ, по той причинѣ, что ему нужна только *сродная почва*; а гдѣ, казалось бы, благоприятнѣе для него почва, какъ не тамъ, гдѣ народное образованіе, по преимуществу должествующее быть религіознымъ, преднамѣренно вырывается изъ рукъ служителей религіи, гдѣ педагогія гласно признаетъ бесплоднымъ и даже вреднымъ для воспитанія дѣтей направленіе *мистическое*, подъ именемъ котораго она разумѣетъ направленіе религіозное, гдѣ чуть не насильно навязывается обществу образованіе реальное, не дающее мѣста высшему развитію челоувѣческаго духа и его стремленіямъ къ познанію высшей истины, гдѣ среднее образованіе (гимназическое)

не только не обязывается быть строго религіознымъ, но и формальное изученіе закона Божія въ немъ стѣсняется такъ, что теряетъ почти всякое значеніе, вслѣдствіе чего законоучители поставляются въ какое-то страдательное положеніе, а цѣлая треть воспитанниковъ можетъ невозбранно не заниматься закономъ Божиимъ и ничего въ немъ не знать, даже первыхъ членовъ вѣры; гдѣ и въ высшемъ образованіи (университетскомъ) совершенная безуспѣшность по этому предмету не препятствуетъ учащимся переходить съ курса на курсъ, и оканчивать всѣ курсы благополучно, не смотря на протесты преподавателей богословія; гдѣ не только наука не обязывается быть религіозною, по крайней мѣрѣ не противорѣчить религіи, по крайней мѣрѣ не касаться основъ ея, но и явная несостоятельность въ пониманіи религіи; обнаруженная узаконеннымъ испытаніемъ, не препятствуетъ ищущимъ высшихъ ученыхъ степеней получать ихъ; гдѣ наконецъ въ высшихъ совѣтахъ, по вопросамъ народнаго просвѣщенія, даже религіознаго, даже самаго преподаванія православнаго богословія въ университетахъ, дается мѣсто и право голоса и сила рѣшенія—иноземству и иновѣрью, чего нѣтъ ни въ какой другой странѣ міра? А если такова дѣйствительно почва, то, вмѣсто великолѣпныхъ проектовъ изгнанія злаго духа изъ общества и литературы чрезъ вооруженіе университетскихъ студентовъ аргументами истины, не лучше ли было бы предварительно заняться переработкою такой дикой почвы? Да и самое незнаніе этихъ *аргументовъ* не прощали, не вѣрнѣе-ли, за отсутствіемъ серьезной мысли въ умахъ и серьезнаго отношенія къ религіи въ жизни, — назвать преднамѣреннымъ невниманіемъ и отчаяннымъ ничего—

непониманіемъ въ религіи, причѣмъ даже немислимо широкое преподаваніе богословія? Только при такихъ разсужденіяхъ конечно непріятно было бы дойти, впрочемъ весьма послѣдовательно, до заключенія, что въ разсадникахъ народнаго просвѣщенія, и самыхъ высшихъ, нужно бы сперва покрѣпче утвердить *начатки* христіанскаго ученія, а не тотчасъ развивать религіозное сознаніе *соответственно научному* и приводить религіозную истину *въ гармонію съ прочими научными истинами, со всею суммою человѣческихъ знаній.*

О Г Л А В Л Е Н І Е

Первой половины „Христіанскаго Чтенія“

за 1866 годъ.

	<i>Стран.</i>
Письма св. Василія Великаго. . . . . 3—38.	289—316.
Объ употребленіи греческаго языка при Богослуженіи въ Западной церкви.	39— 71.
Эммануиль Сведенборгъ и его вѣроученіе. 72—105.	251—272.
Церковныя имущества до Юстиніана I-го. 107—140.	323—363.
О преподаваніи богословія въ нашихъ университетахъ.	141—191.
Слово при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ.	192—198.
Душа и дѣйствующія въ природѣ силы.	219—250.
Апологетическія замѣтки.	273—283.
4 и 5 Апрѣля текущаго года въ С.-Петербургской духовной академіи и всеподданнѣйшій адресъ.	284—288.
Обозрѣніе уніятскихъ богослужебныхъ книгъ.	364—395.
Значеніе въ жизни истинно-христіанскаго слова.	396—402.
Сила и спасеніе Помазанника Божія.	403—415.
Апологетическая дѣятельность древней церкви и ея значеніе для настоящаго времени	422—448. 624—643.
Характеръ протестанства и его историческое развитіе.	449—467.
Латинское Богослуженіе послѣдней недѣли великаго поста въ Іерусалимѣ	468—488.
Загородное поученіе І. Е. В.	489—500.
По поводу брошюры: Споры безпоповцевъ преображенскаго кладбища и покровской часовни о бракѣ К. Надеждина. Спб. 1865 г.	501—570.
Обзоръ XXXIX Членовъ Англиканскаго вѣроисповѣданія.	571—603.

Христіанская церковь въ Америкѣ до открытія нова- го свѣта Колумбомъ (964—1492 г).	604—623.
Враги Креста Христова.	644—656.
Письмо къ Тьеру о восточной церкви.	657—664.
Иностранныя церковныя извѣстія.	199—216.
Воззваніе.	317—322.
Объявленія	217—218. 416—420.
